

В общественном быту происходили в это время, казалось бы, самые неожиданные столкновения антифеодальной аскетической проповеди с проблемой иконного писания. Друг Аввакума протопоп Логин в 1653 г. был подвергнут со стороны Никона соборному суду за то, что он отказался благословить жену муромского воеводы, сказав: «Не белена ли ты?»,²⁹ И «то слово» подхватили, как оказалось, сам воевода и его приближенные: «Что-де, протопоп, хулишь белила, а без белил-де не пишется и образ Спасов, и пречистыя Богородицы, и всех святых» (43). Логин не отрицал полезности составления красок для иконописи, но заметил: «... а как-де на ваши рожи такие составы положить, так-де и не похотите» (43).

Ходатайствуя за своего любимого «пастыря», муромские жители изобразили этот эпизод уже не в деловом стиле цитированной «росписи», а в традиционно-символических тонах: местные правители «сотвориша себе пир беззакония исполнен», подобный пиру «Ирода нечестиваго», когда «скверною плясовицею священная глава Крестителява (Иоанна Предтечи, — *А. Р.*) предается на усекование».³⁰ Упросив Логина на том пиру «обедати», они «уготовиша» ему «жену безудну, прохирливу, лицея всякими мастми набела и багры подчинив» (101). Отказавшись благословить ее, Логин объяснил, что христианам не подобает «лицу всякими мастми устроить» (101). Но противники его «начаша свои лукавыя слова подводити о набелах и о баграх к Богородицыну и к Спасову образом применити» (101).

Проблемы иконного писания вторгались в общественный быт, как обоюдоострое оружие, находившееся то в руках защитников «старого» (национально-демократического), то, напротив, «нового» (феодалного) уклада жизни. В этих условиях модный иконописный образ «блудницы» Марии Магдалины, как и литературный образ «плясовицы» у Ирода, сливались в сознании писателей раскола с их представлениями о типичной внешности богатой щеголихи, внешности, лучше всего запечатленной сатирическим описанием Аввакума: «А преолюбодейца белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяжки, приветы сладки, ... рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Как быть хороша!» (542).

Упреки Плешковича в адрес придворной иконописи вызвали решительный отпор со стороны Иосифа Владимиров, выразившийся в его знаменитом трактате об искусстве, адресованном Симону Ушакову. Социально-идеологическое содержание этого трактата, весьма богатое, но почти неизученное, лучше всего раскрывает (по принципу контраста) содержание интересующих нас воззрений Аввакума. В спорах об иконописи речь шла не только о различных приемах писания икон, о разных проблемах эстетики. Столкнулись два противоположных мировоззрения, и это обусловило эмоциональную напряженность дискуссии. Если Плешкович рассуждал об иконе работы Симона Ушакова, «плюнув»,³¹ то и Владимиров не остался в долгу, выразив свое отношение к идейному противнику целой серией определений, почти не уступавших

²⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина. Т. 1. М., 1874 (далее: Материалы, т. 1), стр. 43 (далее страницы указываются в скобках в тексте).

³⁰ Т. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел ее епархий. М., 1820, стр. 100 (далее страницы указываются в скобках в тексте).

³¹ Иосиф Владимиров, стр. 25 (далее страницы указываются в скобках в тексте).